

Изнанка

Автор:

Инга Кузнецова

Изнанка

Инга Анатольевна Кузнецова

Городская проза

Сенсационный роман Инги Кузнецовой написан от лица главного героя всех новостных лент мира. И это... мыслящий вирус, тоскующий по людям. Сюжет учитывает и официальные, и конспирологические гипотезы распространения SARS-CoV-2. Герой попадает сначала в тела животных, над которыми ведут эксперименты, а затем – в организмы Гигов, позволяя читателю видеть человеческую изнанку совершенно не так, как ее преподносит нам анатомия или психология. Стремящийся к людям вирус открывает парадоксальные законы этого мира: познание существ неотделимо от их поглощения, а любовь неутолима. Любящему герою приходится понять и то, что из-за него умирают. Не касается ли это и наших взаимоотношений друг с другом? Среди человеческих персонажей романа – не только самые обычные люди, но и маньяк-убийца. Дерзкий роман переворачивает привычные смыслы, предлагая удивительную и радикально новую версию устройства Вселенной.

Инга Кузнецова

Изнанка

Глава 1

Река

И я понял, что мы летим.

Из тьмы и тьмы, из гущи сырого мрака, из жирной пещерной слизи мы вырвались во что-то лёгкое, свежее и захватывающее, пахнущее желанием, травой, жизнью. Это была уже другая – разбелённая, разреженная темнота.

Смутные холмы разворачивались под нами. Невидимые существа кричали над нами. Кто-то сумеречный, затаившийся в шелесте, зыркнул безумным глазом. Хозяин начал снижение.

Впереди блестела река. Я знал: Хозяин не видит чёрно-зелёного и буроземлистого берега и не чувствует, как прекрасен сдержанный блеск воды. Но я-то его предвидел. Да, сейчас за гигантской кроной, увеличенной тенью, перед нами возникнет она – обратная сторона всего, текущая бесконечность, которая меня блазнит.

Мой Хозяин летит зачерпнуть инобытия.

Уцепившись выростами за неровный покров, скрывающий от меня его возлюбленное тепло, чувствуя всепроникающую нежность к широким взмахам, обдающим меня пластами запахов, лопастями прохлады и токами усталости, я с каким-то любопытством ужаса жду, когда наконец Летучий потеряет меня.

Ведь он слышит, как шумит вода. Он боится её, но сейчас слишком хочет пить (пересохший голос разбивается на последовательность отдельных пунктов). Пить и есть. Над рекой висают существа, которым предназначено стать

частицами хозяйского тела. Он поймает их. Если я что-то смутно помню об этом, значит, так уже было. Я думаю, что это прекрасная участь и что они всё понимают.

Определяя расстояние от нас и до них, Летучий Хозяин выпускает тонкую цепочку звуков. Он ждёт ответов от всех и больше всего от реки. Но она ускользает. Береговые деревья сообщают ему всю правду о твёрдости своих стволов, а влажное травяное месиво то говорит с ним, то загадочно уклоняется от ответа.

Я чувствую траву, точно я сам – хватка моего Хозяина.

2

Звуки к нему возвращаются, тело его вибрирует.

Я боюсь разлуки и того, что сейчас она будет водой. Слабеющими выростами цепляюсь за мелко-пластинчатый покров, исчерченный и истрёпанный ветром. Покров сжимается и разжимается, сжимается и разжимается. Я на самом краю хозяйского зева, манящего мягкостью выстилки. Он близко, но я не могу двигаться. Не могу оказаться в нём по собственной воле, как бы она ни была сильна – эта моя тяга к Хозяину, тяга быть с ним, тяга быть им.

Волны бегут перед нами, а потом под нами – и зовут, зовут. Я не знаю, что будет, если вдруг меня оторвёт от Хозяина и я упаду в бесконечность. В этот плавно-быстро-блестящий круговорот. Будет ли моя полужизнь тогда настоящей гибелью или нет? А если она будет всё-таки жизнью, с кем тогда она будет?

Я не представляю себя без Хозяина. В волне мелькает невозможная мысль о его инобытийной копии – по ту сторону воды. Но я не успеваю её додумать.

Издав короткий резкий крик, сразу улетевший вверх, и едва не сбросив меня, Хозяин совершает подлёт. И что-то тяжёлое, жёсткое тотчас сбивает меня с толку и отрывает от чешуйки покрова. Я не успеваю пропасть, даже испугаться не успеваю: прилипнув к жёсткому, я уже качусь вместе с ним к жадному, жаркому, нежному жерлу, дрожащему и отрыгивающему звук за звуком, каплю за каплей. Это горло Хозяина.

Я не знаю, кто или что катит меня внутрь, в клочотание горла. Пухлый покров обнаруживает множество входов, и, не теряя ни мига, я соединяюсь с одной из возможностей.

3

То, что вкатило меня в горло-жерло, оказывается живым, и сейчас оно придаёт нам с Хозяином дополнительной тряски, сопротивляясь втягиванию и растворению в недрах.

Спасаясь от него и проникая в мягкое мокрое, раздвигая лепестки этой мякоти, я нахожу себе убежище – отдельный отсек, одна из стенок которого кажется тонкой и лёгкой для проникновения, а другие – надёжно-прочными.

Осторожно прорываю оболочку. Сквозь полупрозрачные стенки можно видеть, как в соседних отсеках роится своя тихая жизнь. Что-то движется, набухает и лопаётся; выпучивается, отделяется, суживается и распрямляется. Затаившись, я чувствую, что за рядами ближайших отсеков пролегают мощные жидкопроводы Хозяина. Кажется, что по ним течёт его личная бесконечность. Она задаёт ритм всему: всем выпучиваниям веществ и рождениям новых неясных полусуществ.

Тело-мир мерно дрожит, успокаивая всё живущее в нём, и постепенно моё беспокойство гаснет. Я согрелся. С нежностью чувствую, что Летучий кого-то ест и что ему хорошо.

Я тоже наудачу всасываю маленький кусочек мякоти, выстилающей поверхность убежища. Казалось, никогда ранее я не поглощал ничего более питательного и необходимого! Мирное, близкое тепло жидкопровода расслабляет меня. Тёплое тело Хозяина – вот моя родина, настоящая родина, которую я не захочу и, кажется, уже не смогу покинуть.

4

Убаюканный сытостью, я представляю себе, как Хозяин носится над широкой рекой, заглатывая вместе с влажным воздухом громких и твёрдых существ и перемалывая их, перерабатывая под себя и накапливая упругую мякоть. А я уже живу в ней. О, как долго я стремился к этому! Как мечтал путешествовать по его телу, которое люблю!

Но сейчас меня утяжеляет усталость, клонит в сон достигнутая цель, и я решаю отложить путешествие на потом, когда свет прибавит яркости вовне и Хозяин будет метаться, пока не найдёт себе новое укромное место или не вернётся в прежнее логово. Он успеет. Почему я в этом так уверен?

Я удивляюсь сам себе. Интересно, ждёт ли там его кто-то подобный ему? Этого я не помню. Сама мысль, допускающая возможность существ, похожих на Хозяина, кажется мне жестокой. Не понимаю, почему она мучает меня. Мне хочется, чтобы он оказался единственным.

5

А я? Я – единственный? Я представляю, как, набравшись сил, я мог бы и сам начать делиться на «я одно», «я другое» и так далее, вплоть до последнего «я» в самом конце этой живой цепочки. Эта странная идея будоражит и будит меня.

Возможно, «мы», эти множество «я», поймём нашего Хозяина быстрее – все его мельчайшие процессы, все его желания, и тогда жизнь в его мире станет отчётливей. Для меня или для всех «нас»? А может быть, всё наоборот? И, размножившись, я перестану чувствовать что-то важное? Всё сотрётся и станет однообразным? Не будет ни прежней преданности, ни прежних желаний?

...

Слишком много вопросов.

6

Сквозь дрему дезактивации всё возникает само: Хозяин смыкает свои невидящие глаза и переворачивается вниз головой, цепляясь за свод, сделанный из скользкого мрака. И рядом – о, жестокость! – его подобия. Точно сейчас меня нет, а вместо меня разворачивается реальность, сдвинутая вперёд. Подобные Хозяину висят звериными головами вниз, сгрудившись тесно, бок о бок. Над ними – слизистый свод, под ними – кромешный мрак.

Бездна, в которую всё уходит. Наверное, раньше я слишком много думал о ней. Вот под ними она и есть. А это значит, что преданность не бесконечна, увы. До моего Хозяина у меня был другой. Перед тем как выпасть в бездну, он отдал меня новому. Может быть, он и не выбирал преемника и это произошло случайно. Прежний хозяин что-то просвистел ему на прощанье.

Цепочка свистящих звуков, в оболочке влаги, влажного хрипа. С этой влагой из тела вылетел я. Тело прежнего Хозяина перестало быть для меня миром и кануло в бездну, которая всегда подстерегает всех.

Я упал на грубый покров нового существа и вцепился в одну из чешуек, что топорщились на поверхности. Влага высохла, а я остался.

...Когда прихожу в себя, оказывается, что камеры больше нет: стенки обвалились, мякоть, укреплявшая их, исчезла. Я в какой-то трухе. Кто разрушил моё убежище? Приходится прорвать оболочку соседней камеры. Она кажется мне слишком тесной. Новая? Она тоже мала. Что-то с ними не так! Что-то со мной не так...

Я открываю камеру за камерой, отсек за отсеком и не могу остановиться. В каждой и каждом я поглощаю кусочек мякоти, совсем крошечный, и взамен оставляю часть себя – сломанный вырост или фрагмент поверхностной ткани. Не знаю, может, это и не благодарность, а извинение. А может, просто след, по которому бы я когда-нибудь мог вернуться назад, в глотку. В некоторых отсеках я устраиваю тайники. Я боюсь сделать что-то резкое. Ведь это возлюбленное тело Хозяина. Я не понимаю, как мне его беречь, и спешу узнать его.

Некоторые из отсеков похожи на склады неопределённых субстанций. Некоторые населяют полусущества, не имеющие чётких контуров. Они реагируют на меня, изменяя цвет, будто предупреждают о своей враждебности. Они точно говорят: «Мы с тобой соперники за любовь и тело Хозяина, за его возможности. Исчезни, а?» Но я не собираюсь вступать с ними ни в какое – ни дружеское, ни соперничающее – взаимодействие. Они не участвуют в наших отношениях с Хозяином, и поэтому я не обязан понимать их стремления. Я не враждебен к ним. Я нейтрален.

Странно, что я могу двигаться так быстро, зная, что Летучий спит. Он почти замер. Отсеки смещаются и возвращаются в прежние положения плавно, точно скользят в чём-то тягучем. Жидкопроводы остыли. Перемещаясь и чувствуя всё большую тесноту внутри не поспевающих за мной отсеков, внезапно я догадываюсь, что распухаю. Я не знаю, что делать.

Как остановить это? Мне страшно. Я не хочу разрушать Хозяина.

Мои переживания теряют всякий смысл. Мир хозяйского тела превратился в войну.

Гром и грохот, столь непохожие на речь Летучего, оглушают, сминают, скукоживают меня. Я пытаюсь двигаться, из меня выделяется жидкость. Это тщета. Ужас сушит отростки.

Всё сигнализирует о том, что имеет пределы, – и тело-мир, в котором я нахожусь и которое любил. Хозяин становится маленьким, а я – совсем неразличимым. Близкие жидкопроводы разогреваются так, что всякое продвижение к ним становится невозможным. Влага внутри бунтует, точно забыла, в какую сторону течь. Стенки камер обрушиваются сами собой. Мир Хозяина превращается в беспорядочный поток разрозненных фрагментов.

Вдруг меня втягивает в какую-то полость и вот уже с силой тащит по длинному влажному каналу. Я завёрнут в скольжение. Невозможно ни за что уцепиться. Отростки рвутся. Тряска не прекращается: то становится более ритмичной, то снова опрокидывается в хаос.

Сквозь этот чад я узнаю слабую цепочку хозяйского голоса. И безо всякой чёткости можно разобрать отчаянье в каждой точке каждого звука.

Вместе с обрывками и обломками того, что прежде принадлежало Хозяину, меня бросает вперёд и втягивает назад, и это «назад» и «вперёд» столько раз повторяется, что в конце концов я перестаю их различать.

Глухо и грубо возникают чужие страшные голоса. Их рисунок некрасив. Они принадлежат врагам.

Что они делают с Хозяином? Как мне защитить его, если я так слаб и ничтожен? Мой Хозяин теряет силы. Хозяин мечется. Меня выбрасывает в глотку, пористое пространство возможностей. Дорога пузырчата. Я прикрепляюсь к одному из полукруглых пузырей. Отростки входят легко и без поломок. Конечно, пузырь – неудобная камера (да и не камера вовсе – так, какая-то форма). Но сейчас нам не до удобства.

А Летучий теперь не подаёт сигналов. Он не управляет никакими взаимодействиями. Мир его тела сейчас так холоден, что блокирует возможность различить, жив Хозяин или нет. Если он мёртв, это значит, что и я погибаю, потому что полусуществование без него не имеет для меня никакого смысла.

10

Но нет, это ещё не конец. Звуки за пределами хозяйского мира-тела требуют нас к себе. Злые силы. Они переливаются в двух голосах, и один из них всё ближе. Что-то непостижимо огромное поднимает нас с Хозяином и бросает в жуть, в отчаянье, в пронзительный звук.

Тело-мир жадно сжимается-разжимается, а я, вырвавшись из пузыря, бултыхаюсь в жидком секрете хозяйского горла. Сквозь толщи покровов сюда, ко мне, сочится ужас других существ и выделяемых ими веществ, смешанный с душным призывом незнакомых событий. И вдруг Хозяин дёргается и яркое, разрубленное резкими полосками света и тьмы пространство вне его возникает как новая пугающая реальность. Питательная жидкость горла течёт туда, вон, увлекая и меня. Отломанные отростки остаются в камере-пузыре, а я плыву и теряю Хозяина.

Меня волочёт разлука. Сдвинутая вперёд реальность уже почти наступила. Но Летучий совершает последний рывок. Яркое схлопывается, и я откатываюсь к истыканному пузырю в глотке и снова вцепляюсь в истончённую стенку тремя оставшимися выростами.

Мой Хозяин жив. Под нами шевелится страх. В нём томятся подобия Хозяина, издающие измученные позывные.

Глава 2

Дорога

1

Мы упали в какую-то паузу бытия и теперь обложены несвободой: я, мой Хозяин и его неточные копии. Движение прекратилось. Желания исчезли. Стремиться некуда.

Страх за Хозяина притупился – не потому, что опасности больше нет. Её нет, как ничего нет. Просто этот страх сейчас кажется совершенно тщетным. Я не могу спасти моего Хозяина. Ни сейчас, ни потом. Могу только думать о нём, обо всём. Следить за тем, как меняется реальность. Вернее, моё понимание её.

2

А моё понимание сути всего изменилось.

Раньше я думал: существует множество миров и все они великолепно естественны. Они развиваются сами собой и связаны важными смыслами. Может быть, так, как я и Хозяин; может быть, как-то иначе. Его тело – моя родина,

которую легко любить, в которой славно быть. Я поглощал её кусочки, но и сам был её крошечным «куском». Я был не один: множество полусуществ, подобных мне и отличавшихся от меня, виделись рядом, смутно. Мы не интересовались соседями, но жили и действовали, не мешая друг другу пребывать в Хозяине. Нас всех будил и убаюкивал единый ритм, этот равномерный ток бесконечности в его трубопроводах.

И я доходил до мысли, что мой Хозяин – возможно, такая же часть чьего-то тела-мира, как и я. Может быть, наружный мир Хозяина – это существо, чью огромность мне даже не представить; а земля, вода и воздух – это слои его непомерного тела, его токи, его мякоть. И в этом таинственном существе живёт мой Хозяин и его звероподобия, их звероотличия, холмы... А у «наружного» Непомерного, внутри которого живёт мой Хозяин, есть свой, совсем Невероятный Хозяин. И у него тоже есть Хозяин...

Хозяева есть у всех, так устроены миры и миры, которые движутся нашей любовью к ним. Вот безумная, прекрасная правда, которая думалась мне сама и представала передо мной как отсвет бесконечной череды миров, пронизанных разнонаправленной любовью.

Но оказалось, что это ещё не всё. Ещё не всё.

З

Произошло вот что: миры, их связь перерубили существа совершенно иного типа. Хозяин не может теперь свободно существовать в Непомерном – естественные пути нарушены существами, не понимающими всеобщего закона миров. Судя по голосам, они Гиганты. Куда крупней и сильнее Летучего. Их сила, может быть, и не была злой изначально. Но с нами сейчас она играет какую-то злую шутку, смысл которой не выудить из естественной бесконечности.

Зачем эти Гиги (так я решил их называть) вмешались в нашу реальность? Что эти ложные хозяева, эти самозванцы хотят от нас?

Они действуют самовольной силой, но я надеюсь на одно – на то, что эти действия не натянуты ветром, не обусловлены общим законом вещей – и здесь, возможно, остаётся лазейка для спасения. Какая-то крошечная прореха в покрове сдвинутой вперёд реальности.

Она нужна Летучему. И я её найду.

4

Сейчас нельзя уходить в глубь Хозяина. Нельзя есть его, терять время на собственный прокорм. Я должен быть предельно собран. Необходимо затаиться. Прислушаться к происходящему и принять его. Это поможет приспособиться к Гигам. Понять те сигналы, что они посылают друг другу. Только после этого можно будет действовать.

Я различаю шумы. Судя по ним, похитителей двое. Оба звучат громоподобно, но по-разному. Один – настойчивей, другой – как бы отступая. Скорее всего, они сейчас переговариваются о нас. Я решаю записать эти звуки, вобрать в себя. Позже, вероятно, мне удастся понять, что они значат.

Некоторые сочетания звуков повторяются чаще других: «блеать», «пох», «нах», «ауе». Думаю, их быстрее всего удастся понять.

5

– Ничё так охота?

– Ничё, блеать. Но было и круче.

– Да ладно, блеать! Клёво отоварились.

- Давай, шевели лапами, блеать.

- Иди нах.

- Чё, ты как дед, блеать? Она ж не тяжёлая.

- Вот и неси, раз такой умный, блеать.

- Мы так не договаривались, блеать.

- Иди нах. Хочу отдохнуть.

- Какое отдохнуть, блеать? Босс уже в лавке!

- Да хоть в хуявке. У меня идея получше.

- А ты не ауге? Какая, нах, идея? С какого перепугу?

- А почему у меня, блеать, не может быть идеи?

- Потому что ты лох, блеать. У тебя их отродясь не бывало.

- Ну ты и придурок, блеать!

- Ладно, не лох. Давай уже, нах, колись.

- Покурим, тогда и скажу.

- Да хрен с тобой, блеать.

(Пауза.)

- Они там ещё не передохли нах? Чё-то затихли.

- Открой, блеать, крышку и посмотри.

- Нах надо. Ещё разлетятся нах.
- Стопе, а где мобила?
- Посеял, блеать.
- Иди ты нах.
- Да кому звонить в такую рань? Ты точно бнулся.
- Пропустишь бабки. Ты, видно, хочешь всю дорогу целовать босса в зад, блеать.
- Иди нах.
- Разве тебе не нужны нормальные бабки, блеать?
- Да чё ты темнишь, чё?
- Через плечо! Есть кто-то почище, разве непонятно, блеать?
- Серьёзно? Ну и кто этот хрен почище?
- Один доктор.
- Хероктер, блеать!
- Успокойся, придурок.
- И чё он хочет? Зачем ему наши мыши? Чтобы жрать? Такой богатый, блеать?
- Ты просто кретин! Он доктор наук, между прочим.
- Чё это значит, нах?

- А то, что он учёный, нах! Приборы, исследования, блеать. Все дела.
- И каких, блеать, наук?
- А тебе не пох, если хорошие бабки?
- Да в общем пох. А чё он будет с ними делать, блеать?
- Ну ты и тугой, блеать! Ясен пень, ставить опыты.
- Сам ты тугой, б твою ать! На херопыты идут другие мыши, блеать!
- А ты почём знаешь?
- Это все знают, кроме тебя, блеать.
- И какие-растакие?
- Простые! Белые! А не летучие, нах!
- Простые - это серые, блеать.
- А мне пох. Серые или белые. Но они не летают!
- Думаешь, я чё попутал?
- Говно вопрос попутал, блеать.
- Такие белые с красными глазами, да?
- Езда! Ну да, а какие же?
- Но он сказал... в смысле этот доктор... мне показалось. Да где же карточка? Можем позвонить.

- Посеял нах?
- Заткни глотку! В той куртке оставил, блеать.
- И мобилу тоже нах?
- Мобилу на зарядке, блеать.
- Ну ты и лох.
- Сам ты лох, нах.
- И скока бабок?
- Чё скока?
- Даёт твой хероктер. За мышь.
- Сказал «не обижу».
- Ну ты и лох. Ничё конкретного, блеать.
- Иди ты нах.
- Ну ты и лох, блеать.
- Иди-ка нах.

6

Звуки, знаки, сигналы, речь. Когда летит, мой Хозяин разговаривает со всем существующим. Он посылает сигналы и ждёт ответов. Не таковы Гиги: они не обращают внимания на существ иного типа и их языки; они говорят лишь друг с другом и как будто стараются друг друга заглушить. Задавить. Возможно, они вообще не ждут никаких ответов. Новое мешает им. Едва ли они что-то знают о

жизни моего Хозяина. Она им безразлична. Насколько я понял, они даже не хотят становиться нашими насильственными хозяевами. Но они и не уничтожают нас. И это странно.

Для чего мы им?

В условиях, в которые они поместили Хозяина и его звероголовые подобия, кажется, невозможно выжить. Никого не кормят и не дают двигаться. Что это значит? Они хотят, чтобы все умерли?

Если жестокость – свойство всех Гигов, то я уже ненавижу их.

7

Но, может быть, они поймали Летучих случайно и просто не знают, что с ними делать?

Я не хочу скукоживаться от ненависти. Я мысленно болтаюсь. Пока меня не пронзает догадка: они поймали нас специально и не убивают, потому что собираются передать каким-то другим существам. И что-то получить взамен. Мы – чей-то будущий корм? Они хотят чьей-то благодарности? Я чувствую смутное сходство этой версии с тем, как я питался мякотью Хозяина, оставляя в его камерах сломанные отростки, и мне становится стыдно: так себе обмен, честно говоря.

8

Но если догадка верна, то кому же эти Гиги должны передать нас? Кто этот Доктор?

Встреча с ним может оказаться гораздо более трудным испытанием.

Бывают ли вообще Гиганты, лишённые жестокости? Эти вопросы разрывают меня. Нет-нет, нельзя расслабляться, Хозяин должен быть начеку. Я думаю, единственная возможность вырваться возникнет при смене мучителей.

Мне кажется, Летучий уже понял это. Пока мы под контролем двух Гигов, ощупывающих воздух с помощью звуко сочетаний «блеать» и «нах», мой Хозяин может экономить силы. Он спит.

Я тоже включаю энергосберегающий режим. Но что это? Какой-то сбой общего ритма. Я пытаюсь представить, что это значит. Кажется, нашу неволю вместе с двумя грубыми голосами переместили в другую быстро движущуюся неволю. Пещеру в пещеру, логово в логово. Ритм становится рваным и частым: тело Хозяина мотается, и я вместе с ним. Ни Хозяин, ни его копии не выпускают ни звука.

9

А наружные шумы медленно нарастают. Они очень извне. Нет, конечно, я не могу, как Летучий, определять местоположение существ, выпуская голос на свободу. У меня нет голоса. Но чему-то важному я всё же научился у него. Чувству опасности. Ощущению пространства, смешанному с быстротечностью всего. Разнотечностью.

И сейчас это пространство, в которое мы влетели и которое я не могу видеть, но всё-таки чувствую, стало разноголосогромким. Миг – и внешнее замерло. И теперь тесное логово, предназначенное для Хозяина и его подобий, подняла и несёт грубая сила.

Громкоголосица обрушивается на нас, и очнувшийся Хозяин начинает метаться, испуская во все стороны прерывистые звуковые цепочки.

- Простите, пожалуйста, это вы продаёте рукокрылых? Что у вас в корзинке?
- А тебе какое дело?
- Уважаемый. Да погодите. Ведь я уже говорил с вашим коллегой. Делал предзаказ.
- А, так ты доктор! Коллегой, блеать! Я просто не могу!
- Я работаю в лаборатории. С вами мы не пересекались ранее. Я говорил с вашим товарищем.
- Брателло, подгреби-ка. Ты правда знаешь этого типа?
- Кажется, это тот. Доктор.
- Кажется, блеать, или тот?
- Он.
- И чё ты хочешь, доктор?
- Мне нужны две особи. Летучие мыши. Самые крупные. Покажите.
- Тише! Босс услышит. И скока дашь?
- В какой вам валюте?
- Да тише ты! Э... в зелёных.
- А ты не ауге, брателло? Нах нам доллары?
- Дурак, блеать? Это ж мировая валюта. С ней ничё не будет. Чё бы ни было.

- Я могу и в долларах. Назначьте цену.
- Сначала ты.
- Триста за обе особи.
- Четыреста.
- Договорились. Пойдёмте со мной.
- Погоди-погоди. Ещё надо выбрать. Брателло, остальное сдашь боссу, да побыстрее. Чё-то они притихли там.
- А я не пойду с тобой?
- Тише! Нет. Открывай.
- Блеать! Они уже передохли!
- Молчи, кретин. Одна дышит. Как раз для доктора. Давай двести и забирай нах.
- Сначала мышь. Кладите сюда.
- Сначала зелёные!
- Да за кого вы меня принимаете? Вот, ладно.
- Клади ему мышь.
- Спасибо.
- Если чё, мы пока ещё тут, доктор.
- Спасибо. До свидания.

– Ну, бывай.

11

Мой Хозяин берёт удар на себя. Я защищен крепостью его неба, которое сейчас – моё небо. А я не могу дать ему ничего, кроме клятвы не покидать, не оставлять. Почему я так часто думаю об этом?

Хозяина несут прочь от его молчаливых братьев-копий, прочь от громкоголосых грубых Гигов, в какую-то жуть, в неизвестность. Он обо мне не знает, но я люблю его. Я – секрет Хозяина, даже от него самого. Я плаваю в секрете, который он выделяет, и стараюсь сосредоточиться на жизни. Я хочу, чтобы Летучий выжил.

Я боюсь сдвинутого вперед мига.

Глава 3

Лаборатория

1

Хозяин тих. Его пузыри пахнут жидким ужасом. Я хочу есть, но изо всех сил сдерживаюсь. Где мы, неясно. У нас новый Гиг. Он произносит мало звуков и, похоже, устроен иначе, чем те грубоголосые двойники, которые несли нас раньше. Он спокоен и перемещается равномерно. Отсутствие хаоса вокруг него пугает ещё больше, чем громкоголосица и переворачивание. Я чувствую нарастающую тревогу Хозяина, который почему-то не спешит обследовать обстановку с помощью сигналов. Когда он наконец раскрывает зев, обнаруживается, что голос Хозяина изменился. В нём появился привкус тоски. Я теряю отростки, подпитываясь им.

Нас вносят в пространство, которое глушит звуки извне и что-то делает с ними внутри. Мой Хозяин кричит, но не может добиться ответа от стен. Его крик утыкается в покровы Гига. Зло не исходит от горы тела. Она полна покоя и сосредоточенности. В общем пространстве, где теперь мы и наш Спокойный Гиг, есть внутренний отсек. Насколько я могу это понять. Нас туда выпускают. Отсек для моего Хозяина совсем невелик, судя по тому, что в полёте приходится всё время разворачиваться. Но всё же Летучий может двигаться, и это уже благо – небольшое, но улучшение его положения. Хозяин делает ветер и бьётся о какие-то поверхности, его глотка испускает цепочки звуков, но они рассыпаются, отталкиваясь от границ.

Странные стенки: кажутся воздухом, но оказываются твёрдостью. Крики, бесполезные для Хозяина, позволяют мне всё же кое-что распознать. Я учусь воспринимать реальность искажённых звуков и неопределённых состояний.

2

Из ниоткуда возникают подобия Спокойного. Сколько их, непонятно. Мне кажется, они что-то волокут (я слышу жёсткие с выступами, ритмично соприкасающиеся поверхности). В нашем внутреннем пространстве обнаруживаются щели. Хозяин их нашёл. Где-то здесь – выход из псевдовоздушного отсека. Хозяин наваливается на стенку и кричит, я глубже прячусь в жалкий пузырь. Какая-то сила открывает часть стены, и Хозяин, жадно глотающий воздух подрагивающим зевом, оказывается схвачен. Я понимаю, что мы в лопасти Спокойного Гига. Она покрыта чем-то слишком душно пахнущим. Хозяин уже не смыкает зева. Тело его сотрясается.

Вокруг царство белого звука и равномерно звенящих частей, которые размываются. В глотку Хозяина катится неизвестное. Это вещество. Жижа. Спрятавшись в пузыре, я вижу поток полусуществ, смываемых в хозяйскую бездну. Среди них есть совсем простакки, складчатые единственки; есть и сложные, состоящие из просвечивающей оболочки и разноцветной жизни жгутиков и прочего наполнения. Есть похожие на меня. Как быстро они проносятся! Я не успеваю обменяться с ними ничем. Меня удивляет горечь,

которая наполняет меня при мысли об этом.

3

Жижа, кажется, пришлась Хозяину по вкусу. Он успокаивается, а я успеваю выпростать отростки из оболочки пузыря и схватить маленькое полусущество, вдавить его в себя и растворить в себе. Так себе перекус. Бесмысленный. Дающий ненастоящие силы. Я начинаю движение прочь от бездны, замирая, когда Хозяин вздрагивает. Функции его тела постепенно замедляются. Я всё ещё не решаюсь питаться им. Я не хочу отвлекаться. Я пытаюсь постичь, что происходит, и расслышать, что произойдёт.

Извне – обмен речевыми событиями между Спокойным и его возможными копиями. Я хочу зафиксировать сочетания звуков и отложить их в поры каталога, но улавливаю только обрывки. Голоса Гигов равномерно-похожи, и мне даже не удаётся понять – это говорят только Спок Гиг1 и Спок Гиг2 или есть ещё и Спок Гиг 3 и больше.

4

– аза – кокарбоксилаза – сиквенс – нуклеаза – рибонуклеиновая – пластина – рецепторы – иммуноглобулина – контагиозен – нуклеотиды – рибоза – пептиды – белки – геном – мутация – рандом – антитело – конфигурация – трудное дело – реакция – выборка – сыворотка – активация – рекомбинация – лимфоциты – эритроциты – тромбы – протомбы – домен – обуза – эксперимент – союзы – реактивы – паллиативы – вирус – папирус – вакцина – структура – медицина – натура – иммуногенно – внутривенно – эффекты – аспекты – прогнозы-дефицит – сахара – тромбоцит – штаммы – программы – ошибка – машинка – спектр – коллаборация – аспект – дифракция – проба – микробы – бактерии – потери и...

5

...и всё опрокинулось. Угроза цвета ночной реки мелькнула сквозь бормотанье Гигов (мгновенный холодный блеск) – и вот расслабленное тело Хозяина уже вздёрнуто болью. В него вонзается острота, неизвестная живому миру.

Небо/небо Хозяина раскаляется. Ай! Ай! Я усыхаю, сдуваюсь, исчезаю. Я чувствую дикую жажду. Во мне разрыв! Какие-то удлинённости опутывают меня. Мой разрыв начинает их втягивать.

Я не могу закрыться. Я поглощаю нечто против своей воли.

6

Хозяин тяжело дышит. Тело его наливается несчастьем. Он в псевдо-воздушном отсеке и мог бы полетать, но он только и делает, что выпускает цепочки жалобных звуков. Кому они тут нужны? Хозяин обречён на какие-то взаимодействия с Гигами. Вернее, их насильственные действия. С ним что-то сделали, но – странно – мне надоело сопереживать ему. Я устал. Во мне сгусток разочарования.

Всё кажется мутным от того, что Хозяин оказался таким слабым перед лицом новой реальности. Но с какой стати я воображал иное? В этом мире, исполненном разнонаправленных сил, всегда найдутся те, что превосходят твои. Ещё недавно меня даже не задевало то, что Летучий не подозревает о моём существовании. А теперь я думаю об этом, и мне тоскливо. Какой-то смысл улетучивается из всего, на чём бы я ни замер. Моим воображаемым отросткам больше не за что уцепиться.

Распад любви. Да что она такое? Она не вещество и не существо. Что же случилось? Что заставило меня думать о нашей общей жизни просто, без трепета? Неужели та жижа, которой Гиги напоили Хозяина? Или что-то ещё? Что-то, что вошло вместе с остротой?

Не знаю. Но чувствую, как становлюсь крепче.

7

Так – значит так. Пора и о себе подумать. Я протыкаю несколько пузырей, под оболочкой которых не обнаруживается ничего интересного. Обитатели камер давно превратились в какой-то сухой шлак. Я прокатываюсь по ним. В общем-то, выедать здесь нечего.

Голод ускоряет реакции. Я быстро забуряюсь в слои хозяйской глотки. Вот наконец не камеры, а подобие берега. Узкая река, кишашая деловитыми кругляками. Они плывут, перенося какие-то секретные вещества. Это же трубопровод Хозяина! Один из трубопроводов. Что за вещества и куда их надо доставить этим круглякам, меня уже не интересует. Взаимодействия внутри Хозяина подождут, как и возможные внешние события. Подождут! Ведь я так нестерпимо голоден! И только я отвечаю за сохранность «я».

8

Я бросаюсь в поток, преграждаю путь одному из пловцов и перехватываю его упаковку с пищей. Непривычный вкус, но ничего, сойдёт. Я чувствую необычайный прилив сил. Судорога жадности охватывает всего меня.

Я себе не очень нравлюсь таким – но пришло время действовать. Хватит всё время полагаться на свои представления о всемирных законах. Они описывают сдвинутую назад реальность! Миры уже изменились, и может быть, и законы тоже. В такой неразберихе это не определить.

Если бы у меня сейчас был хотя бы миг, чтобы прислушиваться к себе, тогда бы я, может быть, и переживал из-за какого-то превращения. Из-за того, что и я изменился и пока не знаю, чего мне от себя ждать. Но мне надоело думать. Я хочу жить. Летучий, пойми и прости (хотя, конечно, ты меня не слышишь). А перед кругляками в твоём трубопроводе странно извиняться. Они не обладают статусом самостоятельной жизни или полужизни. Просто бестолковые однонаправленные пластинки.

Я пожираю их ноши без сожаления, оставляя им свои фрагменты, обломки отростков. Мне не жалко – новые вырастут. А они, глупые пластинки, в отличие от Хозяина, теперь будут помнить обо мне.

9

Кажется, я слишком увлёкся охотой и подпиткой. Внешняя реальность осталась без наблюдения. А в ней что-то происходит. Стоп! Я чувствую мягкие шумы. Тихое приближение сдвинутой вперёд опасности. Летучий оживает. Я чувствую, как он пытается подняться, но что-то точно держит его. Его голос становится всё тоньше, всё выше и, уже неразличимый, прорезает барьеры и уходит вверх, в небо, которого здесь нет.

И вот я понимаю: тело Хозяина, мой непосредственный мир, куда-то ползёт. Нет, скорее, его грубо волокут. Кто-то волочёт, логикой движения непохожий на Спокойных Гигов. Тело-мир ударяется о внешнее жёсткое, я это слышу, замерев. Хозяин молчит. Он уже никому не может сопротивляться. И тут с меня спадает пелена, и с ужасом я понимаю, что произошло.

Это я виноват. Я отступил от него внутри себя, и это со мной давно. Я забыл о том, ради чего я в нём существую. Теперь я кажусь себе ничтожней самого бесполезного, самого мёртвого шлака отсеков. Ничтожней трухи от мёртвых существ. Так ли уж я полужив, я, жравший своего Хозяина просто так, я, забывший, что значит преданность и забота?

Я упустил, я пропустил что-то важное. Какую-то прожилку бытия, какой-то его каналец, вход. И теперь я теряю того, которого так любил когда-то, оказываюсь внутри его последней судороги. И внутри его смерти. Я заслужил это. Я, но не он. Кто-то страшный перерезает глотку Хозяина, перетирая еле живую мякоть острыми, твёрдыми разрывателями реальности. Все связи нарушены, все трубопроводы текут вон, все отсеки раздавлены, все уровни перепутаны.

Всё кончено. Мы с Хозяином летим в бездну.

- Ах ты, дрянь, что ты наделала?!

- Мау! Мау!

- Какой эксперимент, а?! И всё пропало. Тварь!

- Мау! Мау!

- Да как она открыла дверцу? Вроде плотно было.

- Мау! Мя-яу!

- Кто тебя впустил? Это невозможно!

- М-мя-яу! Мряв!

- Чья это кошка? Кто посмел? Уволить!

- Нмау-у, мр-р.

- Да ничья она.

- Мау!

- Не лаборатория, а проходной двор!

- М-му-у-ур. Мр-р.

- Пошла вон! Ребята! Надевайте перчатки! Взять её!

Тпт, тпт, тпт, тпт, тпт, тпт, тпт, тпт.

- Вот, вот она! Заходи сзади!

- М-мяв-в!

- Осторожней, чтобы не оцарапала! Она может быть заразной!

- Что вы ей вкололи, док?

- М-мяу!

- Лови давай. Не задавай глупых вопросов.

- Я не нанимался заражаться от ваших подопытных.

- Все вон! Все пошли вон! И её забирайте! Где уборщик?

- Мау! Мау!

- Он сейчас будет, док.

- Надо всё зачистить и простерилизовать тут. Ничего не трогайте. Перчатки в стирку.

- Ладно-ладно, док. Мы уже уходим.

- Эксперимент провален.

- Мы пришлём уборщика.

- И поскорее.

- М-мяв!

Глава 4

Рынок

1

Бездна оказалась настоящей, но только для Хозяина. Прежнего. Он в неё канул.

Мне тяжело сейчас думать о том, что я оказался более живучим. Отростки ещё хранят воспоминание о прежней привязанности. Отсутствующие отношения странно отчётливы. Как это понять? Я не помню, чтобы такое было со мной в сдвинутой назад реальности.

Всё ли я сделал, чтобы уберечь Летучего Хозяина?

Нет.

Сейчас ничто не спасает меня от знания о том, что я начал отрываться от него давно. Связь слабела. Моя – не его. Летучий не знал о моём существовании. Но разве это имеет сейчас значение? Важно лишь то, что это я успел его разлюбить. Как странно и страшно.

Разлюбить – получается, это и значит выжить.

2

Есть ли что-то по ту сторону бездны?

Я не понимаю, зачем думать об этом. Это ни к чему не ведёт. Это слишком остро. Летучий промелькнул, он уже канул. Это мы его отдали бездне. В его смерти есть наша вина. Моя.

Мне не с кем поговорить. Я не испускаю сигналов, которыми можно было бы обменяться с другими. Я беззвучен, я непонятен. Я незаметен. Моё «я» самозамкнуто, и я не могу объяснить всего, что понял сам, даже тем полусуществом, которые похожи на меня. Даже тем, кто вырастает из моих отростков.

И что такое это «я»? Кто я вообще? Остаюсь ли я тем же «я», переходя через испытания? А другие? Кто мне об этом расскажет?

3

Раньше я думал, что главное – это преданность. Она собирает мои растопыренные щупальца, мои разрозненные желания и кусочки впечатлений. Но вот она обманула меня. Закончилась. Я понял, что могу путешествовать от Хозяина к Хозяину, теряя одни реальности и получая другие.

Это больно. Это очень больно.

Это интересно.

4

Я вспомнил, как совершился сам перескок на другую прожилку бытия (понять – и забыть). Когда горло Летучего оказалось в пасти нового Хозяина, я только и смог, что использовать свой простейший трюк: внедриться отростками в первый попавшийся пузырь, чтобы меня не смыло в кисло пахнущее варево утробы. Я заставил себя забыть о Летучем. Новый Хозяин поглотил прежнего. Сначала

убил, а потом сожрал. А я задержался в его глотке.

И всё.

Прощай и прости, Летучий.

Новый хозяин разговорчив. Я изучаю его язык.

5

Пока смог распознать лишь несколько звуко сочетаний: требовательные речи возникают с длинным «а»; сомнения прячутся в прощупывающем воздух «м-м-м»; м-м-мурзыка завершения, гибкое владение ситуацией выражается в гаснущем «у».

Я вслушиваюсь в обертоны мягкости. Нарастание речи происходит постепенно: звуки кажутся такими же плавными, как и движения Хозяина. Он прекрасно ладит с воздухом, в который не поднимается.

Однако впечатление плавности обманчиво. Природа его движений непроста: мягкость обволакивает хватку и готовность к броску, подобно нежности воздуха, скрывающей жёсткость событий.

Новый хозяин движется необыкновенно.

6

– М-ма(у), м-мамум, мр-р. Не задерживай меня, Мурз. Не сегодня. Я не хочу, м-мне мнекогдау, мр-р.

– М-мя! Ну один раз! О, как ты пахнешь там-м-м! Стой, я сейчас тебя...

Кто-то иной, грубый и, кажется, более крупный, гулкий, говорит с Плавным, обдавая нас жаром своего тела-мира. Что ему нужно?

– М-м-мнет, м-мн-нет.

Из-за тряски плавнохозяйского тела жидкость трубопроводов разворачивается вспять.

– М-мя!

– Ш-ш-ш! Не см-мей!

Тело Плавного Хозяина вибрирует от негодования. Или от чего-то ещё – того, что я не понимаю?

– М-мяв! Ну куда ты?

Голос Грубого смягчается. Голос Плавного тоже оказывается неожиданно умиротворённым:

– Всё тебе скажим-м-м. Мна рынок мнаадо.

– За м-мя-ясом?

- Не твоего ум-ма-а дело. Покау.

7

Я пытаюсь понять эту встречу. Крупный двойник напал на нового Хозяина. Их взаимодействие было опасным и коротким. Оно сопровождалось сильной тряской, причём сначала тела-миры колебались по-разному; потом возник единый ритм и мне показалось, что произошло слияние двух существ в одно.

А потом они разделились, вернувшись к себе. Плавный остался, а Грубый пропал. Неразбериха реакций ушла, движения снова стали равномерными. Мягкий покой передался всем отсекам и сделал стенки их ещё более упругими. Покой сочился отовсюду, как туман.

И теперь я думаю: может быть, существа вообще подразделяются на два совершенно разных типа? На грубоголых, крупных и властных, борющихся с реальностью за что-то (за пищу?) - и на других, более мелких и мягких, принимающих всё как есть, обладающих нежными, вкрадчивыми голосами?

Когда эти два типа существ взаимодействуют, то по воле крупных все они могут сливаться в двойные существа, и в это время их тела-миры могут обмениваться какими-то недостающими им свойствами. Необходимыми для выживания, лучшего приспособления к реальности. Властные получают мягкость, а покорные - силу (как-то так).

Они соединяются ненадолго: были «он» и «она» - стало «оно». А потом они опять распадаются, отправляясь по своим делам.

Если моя догадка верна, тогда мой Плавный Хозяин - не он, а она!

Не Хозяин. Хозяйка.

8

А я – полусущество. Я не живу, а полусуществую. Я не взаимодействую с себе подобными. Ведь полусущества не нуждаются в обмене свойствами с другими полусуществами. Нет, мы нуждаемся отнюдь не в своих подобиях.

Мы нуждаемся в Хозяевах. В тех, внутри которых мы можем быть.

А Хозяева исчезают. Они пропадают в бездне.

Откуда же они возникают? Из каких пропастей? Из какого утра? Какой тьмы? Какого тумана? Какой реки? Я не видел их возникновения. Для меня они точно уже всегда были. Но они сменяли друг друга, а я оставался. Я даже не знаю, сколько у меня было Хозяев. Я не помню сдвинутой назад реальности, иначе я бы исчез от тоски. Существуют ли они сейчас, в небытии, без меня? Каково им не быть?

Возвращается ли кто-то из бездны, а? Возможно ли это? Может быть, они из бездны и возникают?

9

Я не знаю, возможно ли деление существ. Могут ли они повторять себя, создавая копии или подобия, как мы? Все полусущества делятся. Например, я оставляю в камерах Плавной свои отростки, из которых могут произойти другие полусущества при определённых условиях. Это естественный, лёгкий процесс. Для этого нужна только пища. Наши «я» рассредоточиваются безо всякого смысла. Я не слежу за полужизнью своих копий.

10

Нас обступает разноголосица. Я прекращаю вскрывать новые отсеки. Хватит проникновений. Я хочу выбраться из гущи и пищи и оказаться свободным в хозяйской глотке. Я надеюсь понять, что соответствует шуму извне.

Реальность Летучего была приглушённой замесью тьмы и света. А теперь, мне кажется, наша реальность – свет. Я хочу его ощутить. Хочу понять, что значит день – даже если это опасно.

11

Ловкость, с которой Плавная маневрирует между дребезгом, топотом и шуршаньем, восхищает меня. Она вбегает в запахи.

Я выпрастываюсь из мякоти горла и болтаюсь в слизневой жидкости. Её очень много: она всё поступает и поступает из горловых резервуаров. Плавная дышит очень часто, приоткрывая и закрывая наружный мир. Запахи резче света. Они устойчивые и сменяются, не смешиваясь, целиком. Громкость разноголосицы даже теряется в них. Я думаю, что здесь, в этом насыщенном пространстве никуда не сдвинутой реальности запахи тоже становятся речью, которую я бы мог освоить. Понять, откуда они идут, кому принадлежат.

Плавная так независима и непостижимо ловка, что, кажется, она ускользает ото всех – от своих жителей-полусуществ, от существ и Гигов внешнего мира. От нас и наших возможных привязанностей. Она убегает от всего.

Я понимаю её. Плавная вызывает у меня любопытство. Жадность безнаказанного интереса. Ни больше ни меньше. Но, думая о ней, я не забываю о себе. Я могу убавить силу интереса, когда захочу. Может быть, всё дело в том, что после гибели прежнего Хозяина я боюсь привязываться. Прохлада любопытства позволяет оставаться закрытым. Я не служу новой Хозяйке. Я путешествую в ней.

Ой!

Пока я думал, что-то произошло. Мир рванулся и опрокинулся. Плавная уже – Неплавная! Она обожралась запахами. Р-раз – пасть раскрылась и сомкнулась. Теперь она держит новое чужое душное, которое затыкает свет. Запах ужасен. Это мёртвое тело-мир. Слизневые потоки всё извергаются. Меня несёт к мёртвому. Как же холодно!

Ох! Всё сотрясает оглушительный крак. Следует удар, от неожиданности которого пасть разжимается, и я вместе со своим ужасным мёртвым пристанищем оказываюсь на свету – без Хозяйки. Мне жутко. Гомон, громовые крики, удар, удар.

– М-мя-яв!

Мы снова в пасти Плавной. Над нами громовые голоса Гигов. Они орут: «А», «О», «Э», «У» (больше я ничего не понимаю). Я отчаянно пытаюсь прикрепиться к влажным покровам гортани, я не хочу быть с мёртвым. Вдруг оно пропадает, и вот уже свет застит живое; Хозяйка ест что-то обдающее всех её жителей, оказавшихся на поверхности её крика, чужой, горячей и сладкой жидкостью. И вот уже меня швырнуло в разрушенные слои чужой мякоти, вываливающейся из отсеков.

Р-раз – и Плавно-Неплавная исчезла. Р-раз – и перепутанные слои и я взмывают вверх, на ослепительно-яркий свет, мучающий непонятным. Р-раз – и я в тенистой пещере. Это тоже гортань. Чья она, я не знаю.

Всё произошло слишком быстро.

- А! А! Ну где ты там?

- Сейчас, сейчас!

- Ты видела? За палец цапнула!

- Голодная, видно.

- Жалеешь её, да? Кошару эту? Лучше перебинтуй. Не могу сама. Сильно кровь идёт, чёрт.

- Я сейчас, потерпи.

- Чёрт! До мяса!

- Не облизывай! Давай я тебе полью. Так. Теперь надо обработать рану. Где у тебя перекись?

- Посмотри тут, в верхнем ящике.

- Нету. Только вата. Сейчас. Давай я тебе и губы вытру.

- Кажется, в сумке у меня были салфетки. Анти... антибактериальные.

- Ага.

- Поймать бы их всех и перестрелять!

- Кого? Кошек? Много их здесь. Всех не перестреляешь.

- Ты просто неисправима! Не забыла, кто тут пострадавший?

- Ну не сердись.

- А людей тебе, значит, не жалко.
- Я видела: люди дают кошкам обрезки мяса.
- Те, кто даёт, скоро прогорят.
- А ты за одну креветку чуть её не убила!
- Опять двадцать пять! Затяни получше.
- Так пойдёт?
- Угу.
- Зачем же так злиться? И вреда от неё никакого.
- Э, подруга, ничему тебя жизнь не учит.
- Всё-таки божья тварь.
- Слушай! Ты в секте зелёных, что ли?
- Нет. Но у древних египтян, например, кошки считались священными животными...
- Эй! Она укусила твою подругу! О чём ты?
- Прости.
- И ведь к лучшему товару пролезла!
- У нас, ты думаешь, самый лучший?
- Лучшие креветки на рынке. Королевские.

- Но запах уже у них, тебе не кажется?

- Нормальный запах, дурында!

- Как будто несвежий...

- Молчи. Ты тут недавно. У тебя испытательный срок. Вышвырнут и не почешутся! И кому потом отвечать за тебя, а?

- Прости. Просто у нас в магазине...

- Ну и где теперь твой магазин?

- Ты же знаешь.

- Откуда я знаю? Может, и правильно, что конфисковали.

- Зачем ты так?

- Может, босс твой обдывал кое-какие делишки?

- Ты это нарочно говоришь! Ты же знаешь, что это было несправедливо.

- Чёрт! Палец болит.

- Ослабить повязку?

- Не надо.

- Я рассказывала тебе: на него накатали донос. Он ни в чём не виноват.

- Да почему я знаю, кто виноват, а кто – нет?

- Хозяин был порядочным человеком.

- Порядочным сроки не дают.
- Это было давно. Судебная ошибка.
- Так уж и ошибка. Они-то дело подняли, проверили.
- Нет, просто он тогда в университете лекции читал, а на его место метил другой. Вот он и написал донос.
- Серьёзно?
- Ну да. Что-то политическое, но это между нами. Что чему-то не тому учит студентов.
- А что за лекции были?
- По философии.
- И потом тюрьма, а потом торговля креветками?
- А что тут такого?
- Ничего. Просто как-то странно: философ – и креветки. Философ-креветочник.
- Такова судьба.
- Я вот всю жизнь этими проклятыми креветками занимаюсь. И без всякой там философии. Как же мне всё это надоело! А тут ещё эти кошки! А если она бешеная?
- Просто сходи к врачу.
- На что? У меня страховка закончилась, а выручки пока нет.
- Давай я тебе одолжу.

- Богатая? Ты с ума сошла?
- Сходи, когда будет обед.
- Да как ты одна тут будешь?
- Как-нибудь справлюсь.
- Нет, я лучше в аптеку.
- Ну, сама смотри. Вы что-то хотели, уважаемый?
- Мне морепродукты, всего понемногу.
- А вам?

Глава 5

Открытие

1

Раньше я думал, что это невозможно. И всё-таки это произошло. Я оказался внутри Гига и теперь живу в нём. Движусь с лёгкостью, открывая одну хорошо обустроенную камеру за другой. Мне даже не требуется каких-то особых усилий, чтобы изучать нового Хозяина, – всё происходит само собой, так естественно, точно именно это мне и было предназначено. Вернее, новую Хозяйку (это Гиг по типу «она»). Я никуда не спешу. Как-то постепенно я начал понимать язык Гигов, а вместе с ним и систему их связей со всем существующим.

Гиги – существа с взаимоисключающими свойствами. Они сильны и многое могут, но всегда чего-то боятся. Это главное, что я понял в них. Страх

пропитывает все стенки из отсеков, гибкие и прочные оболочки трубопроводов; это страх их текущих жизней, связанный с какими-то настоящими опасностями и нежеланием их принять. Страх, появляющийся исподволь, под покровом отваги жить, ничего не желающей разбирать. У каждого Гига этот страх свой.

Но, кажется, у каждого из них есть ещё один, более глубинный страх. Общий. Находясь в камерах Хозяйки, я могу к нему прикоснуться – он твёрдый, упругий, свёрнут в тонкие трубочки и лежит неприметно под более нежными плёнками и слоями мякоти. В тех Гигах, с кем говорит Хозяйка, я улавливаю его как звук (он кажется низким, почти неразличимым гудом). Глубинные страхи других Гигов реагируют на её страх, как бы подключаются к нему. Возможно, сами Гиги ничего не знают об этом.

2

Может быть, это отложенный страх их бесстрашных предшественников, живших в сдвинутой назад реальности. Нерастраченный страх предшественников, который был передан нынешним Гигам неизвестным мне способом. В обычной жизни Гига он не активирован, а тщательно свёрнут и как тайна упакован внутри центральных резервуаров, которыми оснащён каждый отсек гигантского тела. Отсеки и камеры очень разные – разных форм и размеров, разных условий для жизни полусуществ, населяющих их. Но тайна у всех отсеков одна. Когда этот глубинный гигантский страх по каким-то причинам активизируется и выпускается, он быстро захватывает, заполняя собой, всё пространство отсека.

Тесно и липко в отсеках Гиганта, активировавшего свой глубинный страх.

Он разворачивается и разворачивается, прибывает и прибывает. Он вкусный, но по питательности, конечно, обманка: не даёт никаких сил, только ускоряет голод и жадность. Пожирая его, трудно остановиться.

3

Мой Гиг – довольно мягкая «она», слабоголосая, льющая полубесмысленную речевую жидкость, подобную жидкости трубопроводов, переносящей полусущества, пластинки, обломки.

Это «она», уже довольно давно существующая в наружном мире, который, кажется, называет «планета Земля». Моя Хозяйка уже успела от этого устать. Призвук усталости есть во всём, что она делает и говорит. Обычно она равномерна и будто слегка замедлена в движениях; слабая их энергия исполнена заботы обо всех, с кем она встречается. Для неё в этой заботе нет особого смысла и радости – об этом я догадываюсь по вялым процессам внутри её камер. Отсеки не освещаются; трубопроводы холодны, а большинство полусуществ внутри камер пребывают в режиме сна.

Так происходит при контакте со всеми существами, кроме одного. Судя по низкому и какому-то острому голосу, это «он». Его слова наполнены вибрацией и силой. Он называет Хозяйку «Ма», а она его «Лыш». Когда Острый Гиг разговаривает с Ма, его глубинный страх мною не регистрируется.

При встрече с Лышем Хозяйка оживает и её камеры и отсеки наполняет мягкий свет и тихий звон. Она вся преображается изнутри. Быть в ней теперь прекрасно. Голос набирает силу и становится похож на обещание чего-то несуществующего. Даже немного вязким – столько в нём нежности.

Когда Лыш уходит, к голосу Хозяйки примешивается обречённость на сдвинутую вперёд реальность. И всё. Нежность сохраняется как фантом, как воспоминание. Все процессы в её отсеках повторяются, и мне надоедает за ними следить. Я и сам наполняюсь какой-то скукой. Мне хочется замереть – точно на меня действует этот общий режим экономии сил.

4

Это длится до тех пор, пока в Хозяйку не проникает догадка о бездне, куда может кануть всё, чем она дорожит, и она сама. Эта догадка находит на неё как

приступ, обессиливая всё тело. Но вот что странно: вместо того чтобы замереть, сберегая силы перед ужасом, тело-мир, наоборот, начинает разогреваться, течение жидкости в трубопроводах ускоряется так, что всё идёт кувырком. Слои перемешиваются, внутрикамерные полусущества толкутся, падают друг на друга, ломают и лихорадочно пожирают друг друга. Хозяйка кричит, извергая вовне всю оставшуюся в ней энергию. Она задевает внешние существа и разрушает неживые детали. Глубинный страх активирован и заполняет пространства, раздувая отсеки и разрушая их.

5

Нет, я не боюсь этих приступов Хозяйки, я продолжаю заниматься своими делами: открывать камеры и выедать из них кусочки; оставляя обломки отростков, двигаться дальше. Я не встречаю сопротивления. Попав в гортань Милой Хозяйки, я ушёл уже довольно далеко в изучении её тела-мира, но всегда могу вернуться по своим следам.

Я не боюсь кануть. Тот, кто не способен к самостоятельной жизни вне какого-либо существа, наверное, и не может ни жить вполне, ни исчезнуть вполне. Я много думаю об этом. Я понял, что существую только в Хозяевах, открывая их особенности. Живу познанием их. Сейчас у меня нет другого смысла и цели. Когда-то я любил Летучего и хотел раствориться в нём, но не смог. С тех пор я выращиваю в себе одно понимание.

Я знаю, что должен любить своих хозяев. У меня это не получается.

Ну так и что ж?

Понимание. Лучше, чем ничего.

6

Я и не существо, и не вещество. Но полусуществую. Мое положение не определено. А что, если я вообще никто? Если я такой же, как страх, переключатель реакций тех, в ком нахожусь? Несмотря на то что у меня есть отростки и возможность свободно думать, я и сам не знаю, насколько я жив, а насколько мёртв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kuznecova_inga/iznanka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)